Рассказчик. Воспоминания барабанщика Nirvana и фронтмена Foo Fighters

Автор:
Дэйв Грол

Рассказчик. Воспоминания барабанщика Nirvana и фронтмена Foo Fighters

Дэйв Грол

Music Legends & Idols

Легендарный барабанщик Nirvana и фронтмен Foo Fighters впервые оглядывается назад, чтобы с юмором и самоиронией рассказать о самых трогательных, грустных и счастливых моментах своей жизни – о трагическом уходе Курта Кобейна, рождении второй дочери, о ноге, сломанной в самом начале концерта, домашнем ужине с Полом Маккартни и многом другом.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Дэйв Грол

Рассказчик. Воспоминания барабанщика Nirvana и фронтмена Foo Fighters

© 2021 by Dave Grohl

© Jacket design by Jeanne Reina

© Jacket photographs by Magdalena Wosinska/HarperCollins Publishers

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Посвящение

Вирджинии Грол. Без нее мои истории были бы совершенно другими.

Джордин Блум. Ты сделала мою историю интереснее и красивее.

Вайолет, Харпер и Офелии. Надеюсь, ваши истории будут столь же уникальны и прекрасны, как вы сами.

Введение

Сделайте погромче

Иногда я забываю, что постарел.

Похоже, мой мозг просто надо мной издевается, давая ложное ощущение молодости и заставляя глядеть на мир через розовые очки глазами озорного мальчишки и радоваться мелочам.

Хотя достаточно всего лишь взглянуть в зеркало, чтобы вспомнить – я давно уже не тот мальчик с дешевой гитарой и стопкой пластинок, что часами упражнялся

в одиночестве в надежде когда-то вырваться из маленького захолустного городка в штате Вирджиния. Нет. Теперь улыбка обнажает сколы на зубах, напоминая о годах работы с микрофоном, постепенно стирающим нежную зубную эмаль. Теперь зеркало отражает мешки под глазами – наследие многочасовых перелетов и бессонных ночей, когда, чтобы урвать у жизни столь ценный дополнительный час, в жертву приносился сон. В бороде проступает седина. И за все это я благодарен.

Когда-то давно меня пригласили выступить на благотворительном концерте «12-12-12» в поддержку пострадавших от урагана Сэнди. Концерт проходил в Нью-Йорке в Мэдисон-сквер-гарден. Лайн-ап[1 - Лайн-ап (англ. lineup – «список, перечень») – список артистов, заявленных на музыкальный фестиваль. – Здесь и далее прим. редактора, если не указано иное.] был эпохальный: Пол Маккартни, The Rolling Stones, The Who, Роджер Уотерс[2 - Джордж Роджер Уотерс – британский рок-музыкант, основатель и фронтмен группы Pink Floyd.] – настоящие рок-идолы, не говоря уже о множестве других знаменитостей. В какой-то момент ко мне подошел промоутер и спросил, не хочу ли я сфотографироваться за сценой с поклонниками, пожертвовавшими крупные суммы. Я с радостью согласился и, плутая за закулисьем, представлял до отказа набитое помещение, где легенды рок-н-ролла (конечно же, все в черной коже и с британским акцентом) выстроились в линейку, как на школьную фотографию. Каково же было мое удивление, когда, войдя в комнату, я увидел только двух музыкантов в разных углах комнаты. Один блестел, как новенькая машина из элитного автосалона. Идеально выкрашенные волосы, автозагар и недавно сделанные ослепительно белые зубы (очевидная попытка борьбы с возрастом дала противоположный эффект, напомнив старую стену с несколькими слоями краски). Другой же походил на потасканный винтажный гоночный автомобиль. Жесткие седые волосы, глубокие морщины, зубы, состоянию которых не позавидовал бы сейчас и Джордж Вашингтон, и черная футболка, так плотно облегавшая широкую грудь, что сразу становилось ясно – ему вообще похер на все.

Может, это клише, но в тот момент я увидел свое будущее. Прямо здесь и сейчас понял, что ждет в будущем меня. Я решил, что буду принимать свои годы со всем, что они приносят. Что я стану старым ржавым гоночным автомобилем, и неважно, сколько раз мне придется заглохнуть на этом пути. В конце концов, не всему в этом мире нужен лоск. Если пятьдесят лет хранить гитару Blue Gibson Trini Lopez в футляре, она будет выглядеть так, будто только что сошла с конвейера. Но, если ее достать, показать солнцу, дать ей подышать, пролить над ней пот и слезы и, черт возьми, ИГРАТЬ на ней, через какое-то время она

станет уникальной. Каждый инструмент стареет по-своему. По-моему, в этом и есть красота. Не в блеске сфабрикованной идеальности, а в истасканной дорогой и умудренной временем индивидуальности.

Удивительно, но память меня почти не подводит. С детства я мерил свою жизнь не месяцами или годами, а музыкальным развитием. Чтобы вспомнить конкретное время и место, мое сознание может полагаться только на песни, альбомы и группы. От радиовещания в 70-е до каждого микрофона, за которым стоял, я могу вспомнить, «кто», «что», «где» и «когда», с первых нот любой песни, которая сквозь динамики проникала прямиком в мою душу. Или, наоборот, из моей души – в ваши динамики. Некоторым воспоминания навевают запахи или вкус, кому-то для этого нужны зрительные образы. Мои же всегда связаны со звуком, играющим как неоконченный микстейп, ждущий отправки.

И хотя я никогда не был коллекционером в прямом смысле этого слова, я все же собираю мгновения жизни. И в этом смысле жизнь ежедневно проносится у меня перед глазами, как и в моих ушах. В этой книге я постарался запечатлеть некоторые из этих мгновений. Конечно же, эти воспоминания наполнены музыкой. И иногда они могут быть громкими.

Так что сделайте погромче! Послушайте их вместе со мной.

Часть первая

Задавая тон

ДНК не лжет

«Папа, я хочу научиться играть на барабанах».

Я знал, что этот день настанет.

Передо мной стояла моя восьмилетняя дочь Харпер. Она смотрела на меня большими карими глазами, как Синди Лу Кто из фильма «Гринч – похититель Рождества», и держала в маленьких ручках мои старые барабанные палочки. Мой средний ребенок, моя мини-версия, моя дочь, больше всех похожая на меня. Я всегда знал, что однажды она заинтересуется музыкой, но… барабаны? Далеко не самая престижная позиция в мире музыки.

«На барабанах?» – спросил я, удивленно подняв брови.

«Да!» – пискнула она, улыбаясь во весь рот. Я почувствовал, как комок сентиментальности подкатывает к горлу, и спросил: «Ладно… И ты хочешь, чтобы я тебя научил?» Нервно переминаясь с ноги на ногу в своих клетчатых кедах от Vans, она застенчиво кивнула: «Ага». Меня захлестнула отцовская гордость, и я широко улыбнулся. Мы обнялись и, взявшись за руки, поднялись по лестнице в мой кабинет, где стояла старая барабанная установка. Это был слезливый момент, как с поздравительной открытки, из разряда сентиментальной рекламы во время Суперкубка (той, от которой даже самые суровые мужики рыдают прямо в свое ведерко с острыми крылышками). Это то воспоминание, которое я буду хранить всю жизнь.

Мы зашли в мой кабинет, и я вспомнил, что за всю жизнь не посетил ни одного урока игры на барабанах и, соответственно, понятия не имел, как научить кого-то на них играть. Ближе всего к организованному обучению музыке были несколько часов с потрясающим джазовым барабанщиком Ленни Робинсоном, за выступлениями которого я наблюдал каждое воскресенье в Вашингтоне в джаз-баре One Step Down. Это был крошечный клуб на Пенсильвания-авеню рядом с Джорджтауном – культовое место для гастролирующих музыкантов. Каждые выходные в нем проходили мастер-классы, на которых местный коллектив (под руководством легендарного джаз-музыканта из Вашингтона Лоуренса Уитли) сначала играл несколько сетов в темном, битком набитом помещении, а затем приглашал на сцену начинающих музыкантов на джем-сессию.

В 80-е, когда я был подростком, эти мастер-классы стали для нас с мамой воскресной традицией. Мы сидели за маленьким столиком, заказывали напитки и закуски, часами слушая, как играют мастера музыки, окунаясь в атмосферу потрясающей импровизационной свободы классического джаза. Никогда нельзя было предугадать, чего можно ожидать за этими голыми кирпичными стенами в зале, окутанном клубами дыма, где не звучало ничего, кроме музыки с маленькой сцены (разговоры строго запрещались). Тогда мне было пятнадцать, я глубоко увлекался панк-роком и слушал самую быструю и громкую музыку, какую только мог найти. Но каким-то образом я прочувствовал джаз на эмоциональном уровне. В отличие от современной поп-музыки (от которой я в то время бежал в ужасе, как мальчик из фильма «Омен» от церкви) в композиции джаза присутствовал некий хаос, что придавало ему красоту и динамичность, – это меня очень привлекало. Иногда композиция была более структурированная, иногда структура практически отсутствовала. Но больше всего мне нравилось, как играл на ударных Ленни Робинсон. Было в этом что-то, чего я никогда не видел раньше на панк-рок концертах. Оглушающая экспрессия вместе с элегантной точностью. И у него это выглядело удивительно легко (теперь-то я знаю, насколько это трудно). Для меня это стало музыкальным откровением. Играть на барабанах я учился сам, на слух, отбивая ритм по разным подушкам в своей спальне. Никто никогда не учил меня, как играть «правильно», а как – «неправильно», поэтому моя игра на ударных была довольно «дикой» и нестабильной. Я был как бешеный барабанщик из «Маппет-шоу», разве что без бакенбард. У Ленни же, очевидно, было какое-то музыкальное образование, и я был в восторге от того, как он все держал под контролем. Моими «учителями» в те времена были кричащие, быстрые и диссонирующие виниловые панк-рок пластинки. Игру барабанщиков на этих пластинках мало кто назовет традиционной, но неотесанное великолепие их игры отрицать невозможно, и я всегда буду благодарен этим неизвестным героям андеграундной панк-рок сцены. Такие барабанщики, как Ивор Хансон, Эрл Хадсон, Джефф Нельсон, Билл Стивенсон, Рид Маллин, Д. Х. Пелигро, Джон Райт… (Список можно продолжать бесконечно.) Отголоски их работы до сих пор слышны в моей игре. Их след можно найти в композициях «Song for the Dead» Queens of the Stone Age, «Monkey Wrench» Foo Fighters и даже «Smells Like Teen Spirit» Nirvana (и это лишь несколько примеров). Все эти музыканты, казалось бы, были несказанно далеки от круга Ленни, но одно у них было общим: ощущение прекрасного, структурированного хаоса, которое меня так восхищало по воскресеньям в One Step Down. И именно его я стремился достичь в своей игре.

Однажды теплым летним вечером мы с мамой решили отпраздновать ее день рождения на очередном мастер-классе в клубе. Это быстро стало нашей традицией, о которой я и сегодня вспоминаю с теплотой. Никто из моих друзей не любил проводить время с родителями, а уж особенно в каком-то, мать его, джазовом клубе в центре Вашингтона, поэтому я сразу решил, что у меня крутая мама, и это еще больше укрепило нашу связь. Во времена Поколения X[3 - Поколение X – термин, применяемый к поколению людей, родившихся примерно с 1965 по 1980 год.], разводов и дисфункциональных семей мы были настоящими друзьями. И до сих пор ими остаемся. В тот день ее рождения после пары порций картошки фри и нескольких сыгранных сетов от квартета Лоуренса Уитли мама повернулась ко мне и спросила: «Дэвид, может, ты выйдешь на сцену и сыграешь в честь моего дня рождения?» Я не помню точно, что ответил, но уверен, что это было что-то в духе «ТЫ ЧТО, СПЯТИЛА?». В смысле я играл на ударных (подушках) всего пару лет, учился по старым поцарапанным пластинкам с панк-роком и даже БЛИЗКО не подошел к уровню, чтобы выйти и играть ДЖАЗ с этими монстрами. Просьба просто невообразимая. Это как если бы тебя бросили в клетку ко львам. Ни к чему хорошему это привести не могло. Но… это мама, и она была такой крутой, что вообще открыла мне это место, так что…

.

Неохотно, но я согласился и медленно встал из-за нашего маленького столика, протискиваясь сквозь толпу любителей джаза к заляпанному кофе листу для записи, который лежал рядом со сценой. В нем было две колонки: «Имя» и «Инструмент». Я просмотрел имена всех записавшихся – вероятно, уже состоявшихся музыкантов – и трясущейся рукой вписал: «Дэвид Грол – ударные». Казалось, что я подписываю себе смертный приговор. Как в тумане, я вернулся за столик (казалось, на меня смотрели все присутствующие), и тут же мои рваные джинсы и панк-роковая футболка начали пропитываться потом. Что я наделал? Ничем хорошим это не кончится! Минуты тянулись как часы, один за другим на сцену выходили прекрасные музыканты и играли в этих почти святых стенах. Каждый прекрасно вливался в джазовый коллектив. Мне же с каждой секундой становилось все страшнее. От ужаса живот скрутило узлом, руки вспотели, сердце выпрыгивало из груди, и я изо всех сил старался уследить за зубодробительными музыкальными размерами, не представляя, как смогу соответствовать такому уровню мастерства. Хоть бы я не был следующим, – думал я. – Господи, хоть бы не я…

Вскоре из громкоговорителя протяжно раздался глубокий баритон Лоуренса Уитли, и я услышал слова, которые до сих пор приводят меня в ужас: «Дамы и господа, поприветствуйте… На барабанах… Дэвид Грол».

Я нерешительно встал под вялые аплодисменты, которые, впрочем, утихли, как только публика увидела, что перед ними явно не маститый джазовый музыкант, а тощий подросток из захолустья со странной прической, в грязных «конверсах» и футболке с панк-группой Killing Joke. Пока я шел к сцене, в глазах музыкантов стоял такой ужас, что казалось, будто к ним приближается сама смерть с косой. Я поднялся на сцену, великий Ленни Робинсон протянул мне свои палочки, и я осторожно сел на его трон. Впервые я увидел клуб так, как видит его Ленни. Больше я не мог прятаться за нашим с мамой столиком с закусками – теперь я был в центре событий, оцепенев под светом софитов. Взгляды публики были устремлены на меня, будто говоря: «Ну давай, парень. Покажи нам, на что ты способен». После простого отсчета музыканты начали играть то, что я раньше никогда не играл (то есть в принципе любую джазовую композицию). Моей главной задачей было держать ритм и не свалиться в обморок прямо на сцене. Никакого соло, ничего такого. Просто держи ритм и не обделайся. Слава богу, все закончилось быстро (без обмороков) и даже без происшествий. В отличие от других музыкантов, выступавших в тот вечер, мне досталась на удивление короткая композиция (хотя это явно было не случайно). Облегчение, которое я испытал, можно сравнить с чувством после удачно завершившийся операции. С пересохшим горлом я поблагодарил музыкантов, нервно улыбнулся и неуклюже поклонился. Если бы они знали, почему я вышел на сцену, они бы поняли, почему я пошел на этот отчаянный шаг. Сами того не зная, они позволили мне сделать маме подарок на день рождения, который она никогда не забудет (правда, за счет примерно семидесяти пяти несчастных посетителей), и это значило для меня больше, чем самые бурные овации, о которых я только мог мечтать. Смущенный, я вернулся за наш столик, думая о том, что еще совсем нескоро смогу называть себя настоящим барабанщиком.

Этот вечер зажег во мне огонь. Вдохновленный провалом, я решил, что мне нужно научиться играть на ударных у того, кто на самом деле умеет это делать (а не упрямо пытаться самостоятельно разобраться, изучая записи на полу своей комнаты). На ум мне приходил только один человек – великий Ленни Робинсон.

Через несколько недель мы с мамой снова пошли в One Step Down. Я набрался смелости и поймал Ленни по пути в туалет. «Эээ… Извините, сэр. Вы даете уроки?» – пробормотал я. «Конечно. Тридцать долларов в час». Я подумал:

«Тридцать баксов? Да это как шесть раз покосить газон по этой жаре. Это вся зарплата за выходные в пиццерии. Это как одна восьмая унции травы, которую мне придется на этой неделе не выкурить. ПО РУКАМ». Мы обменялись номерами телефонов и назначили время. Скоро я стану новым Джином Крупой[4 - Юджин Бертрам Крупа (1909–1973) – американский джазовый музыкант, барабанщик-виртуоз, звезда «свинговой эры». Известен очень энергичным и ярким стилем.]! Так я думал…

Наш спрингфилдский дом в 1300 квадратных футов был слишком мал для полноценной ударной установки (отсюда и самодельный драмкит из подушек в моей крошечной спальне), но ради такого случая я принес маленькую дешевую установку Tama из пяти барабанов с места репетиций моей группы Dain Bramage. Конечно, ей было далеко до того, на чем играл Ленни. Я поставил грязные барабаны в гостиной напротив музыкального центра, протер средством для мытья стекол, которое нашел на кухне под раковиной, и нервно ждал, когда придет Ленни, представляя, как совсем скоро соседи услышат, как он играет… и будут думать, что это играю я!

«Это он! Это он!» – закричал я, как будто к нам домой заскочил сам Санта-Клаус. Еле сдерживая эмоции, я поздоровался с ним в дверях и проводил в гостиную, где стояла ударная установка, на которой еще не успело высохнуть средство для мытья стекол. Он сел на табурет, осмотрел инструмент и начал выдавать те же невероятные импровизации, что и по воскресеньям в джаз-клубе. Руки и барабанные палочки мелькали в воздухе, выдавая идеально точный ритм. Я стоял, разинув рот, и не мог поверить, что все это происходит у меня в гостиной, на том же ковре, на котором я всю жизнь мечтал стать барабанщиком мирового уровня. Наконец-то это стало реальностью. Это судьба. Скоро я стану следующим Ленни Робинсоном, и его импровизации скоро станут моими.

«Ладно, – сказал он, когда закончил играть. – Давай посмотрим, что ты умеешь».

Я собрался с духом и выдал сборную солянку из всех риффов и трюков, которые слышал на панк-рок пластинках. Я колотил по барабанной установке как ненормальный, словно гиперактивный ребенок, впавший в настоящую истерику. Ленни внимательно смотрел на все это, быстро понимая, какой масштаб работы придется здесь провести. После нескольких минут чистой какофонии он остановил мое чудовищное соло и сказал: «Так… Ну, во-первых, ты держишь палочки вверх ногами». Урок первый. Смущенный, я быстро перевернул палочки и извинился. Я всегда держал их задом наперед, потому что думал, что более

толстый конец при ударе дает более громкий звук. А учитывая, что мой стиль игры можно было бы описать как «колошмать со всей дури», это казалось мне полезным. Я не понимал, что это полная противоположность правильной джазовой игре на ударных. Ленни показал мне классическую постановку рук, пропустив палочку в левой руке по большому и среднему пальцу, как это делали все великие барабанщики до него и уж точно до меня. Это небольшое изменение полностью сломало все, что я вроде как знал об игре на ударных. Я остался за установкой полностью беспомощным и будто снова учился ходить после многолетней комы. Пока я пытался привыкнуть к этому новому, невозможному для меня захвату палочки, он начал показывать мне простые дроби на тренировочном пэде[5 - Тренировочный пэд (англ. practice pad) – имитатор барабана, на котором барабанщик отрабатывает удары, различные упражнения и техники.]. Правая-левая-правая-левая. Медленные удары по барабану, поиск баланса, снова и снова. Правая-левая-правая-левая. Внезапно урок закончился, и тут я понял, что за тридцать долларов в час дешевле было бы выучиться на гребаного нейрохирурга, чем научиться играть на барабанах, как Ленни Робинсон. Я отдал ему деньги и поблагодарил за урок. Вот и все. Это был мой единственный урок игры на барабанах.

«Так, смотри. Это бас-бочка[6 - Большой барабан, также называемый иногда бас-бочка, турецкий барабан, кик, – ударный музыкальный инструмент низкого регистра, мембранофон с неопределенной высотой звука.]. Ставь ногу вот сюда». Харпер поставила свою крошечную ножку на педаль. «Это хай-хэт[7 - Хай-хэт (англ. hi-hat) – тип тарелок со стойкой в ударной установке для большинства стилей поп-музыки.]. Ставь сюда вторую ногу». Она уселась поудобнее, готовая начать. Я пропустил всю ту ерунду («левая-правая-левая-правая»), что показывал мне Ленни Робинсон (при всем уважении, Ленни), и перешел прямо к тому, чтобы научить ее какому-нибудь ритму. «Так… Ладно… Вот тебе простой кик-снейр[8 - Снейр (англ. snare) – рабочий барабан в установке.] рисунок…» После нескольких неудачных попыток я остановил ее. «Подожди, я сейчас вернусь», – сказал я и выбежал из комнаты. Я знал, что ей нужно: не я, а песня «Back in Black» AC/DC.

Я включил трек. «Слышишь? Это бас-бочка. Это хай-хэт. А это малый барабан». Харпер внимательно послушала и начала играть. Она удивительно четко держала ритм, а любой барабанщик знает, что это половина успеха. У Харпер был встроенный метроном, и, сумев скоординировать свои движения, она заиграла с поразительным чувством. Я прыгал от счастья, сердце наполнялось гордостью, я подпевал и кивал в такт игре Харпер. И вдруг я заметил кое-что удивительное: ее посадка! Широкая спина с небольшим наклоном вперед,

согнутые руки и немного разведенные острые локти, поднятый подбородок, выглядывающий из-за малого барабана… Она была зеркальным отражением того, как в ее возрасте играл на барабанах я. Будто я вернулся в прошлое, будто смотрел на себя со стороны. Передо мной была моя мини-версия, которая училась играть на ударных так же, как и я тридцать пять лет назад: слушая музыку вместе с родителями. Хотя я не удивился. Как я уже говорил, я всегда знал, что этот день настанет.

Как я писал в предисловии к книге моей матери «От колыбели до сцены», я верю, что музыкальные способности – не что-то загадочное, они предопределены, зашиты где-то глубоко в нашей ДНК и только ждут подходящего момента, чтобы раскрыться.

Я писал: «ДНК – удивительная штука. Мы несем в себе, где-то глубоко в нашей химии, черты людей, которых даже никогда не видели. Я не ученый, но верю, что музыкальные способности тому доказательство. Это никакое не божественное вмешательство. Только плоть и кровь. Это то, что исходит изнутри. В день, когда я взял гитару и сыграл со слуха “Smoke on the Water” Deep Purple, я знал: все, что мне нужно, – это ДНК и масса терпения (которого совершенно точно было достаточно у моей матери). Эти уши, это сердце, это сознание родились от кого-то. От того, кто разделял ту же любовь к музыке. Мне дана генетическая симфония, ждущая исполнения. И нужна была только искра, чтобы разгорелось пламя».

В случае с Харпер эта искра высеклась буквально накануне, когда она сидела в клубе Roxy и смотрела, как выступает на своем первом концерте ее старшая сестра Вайолет, в солидном возрасте одиннадцати лет.

Да, я знал, что и этот день настанет.

Вайолет была ужасно разговорчивым ребенком. К трем годам она уже говорила очень четко и обладала весьма обширным словарным запасом, удивляя ничего не подозревающих официантов, обращаясь к ним со своего детского стульчика: «Извините, сэр. Не могли бы вы принести еще немного масла для моего тоста?» (Я умирал со смеху, наблюдая, как они переспрашивают, думая, что мы разыгрываем номер с чревовещанием.) Однажды, когда у нее случилась истерика за обеденным столом, я попытался ее успокоить: «Слушай, все иногда злятся. Ничего страшного. Даже я иногда злюсь!», – на что она ответила: «Я не злюсь. Я ФРУСТРИРОВАНА» (я до сих пор не понимаю разницу, в отличие от

Вайолет). Потом я заметил, что у нее отличная слуховая память и она прекрасно распознает звуковые образы. Вайолет могла легко подражать и повторять со слуха. Очень быстро она начала имитировать акценты по нашей просьбе, изображая ирландца, шотландца, англичанина, итальянца и прочих, не успев даже вырасти из детского автокресла. Вскоре любовь Вайолет к музыке позволила тонко слышать. Когда она пела на заднем сиденье в машине, я слышал, что она подстраивается под особенности голоса каждого из ее любимых певцов. Гармонии The Beatles, вибрато Фредди Меркьюри, соул Эми Уайнхаус (последнее запомнилось мне ярче всего: услышать, как твоя пятилетняя дочь слово в слово поет «Rehab» в пижаме с мультяшками, дорогого стоит). Было очевидно, что у нее талант. Теперь оставалось только дождаться искры.

Эта искра в итоге разгорелась пожаром, музыка стала ее путеводной звездой, и в итоге она сформировала рок-группу с одноклассниками. С каждым выступлением Вайолет становилась сильнее и увереннее. Она обожала музыку, подпевая всему, что слышала: от Ареты Франклин до The Ramones, расширяя кругозор и вступая на путь открытий и вдохновения. Ее генетическая симфония пришла в исполнение, и мы могли только сидеть и слушать. В конце концов, это то, что исходит изнутри.

В тот день, когда Вайолет пела в Roxy на Бульваре Сансет с первым «официальным» выступлением своей группы, мы всей семьей были в зале: моими фаворитами были «Don’t Stop Believin’» Journey, «Hit Me with Your Best Shot» группы Pat Benatar и «Sweet Child O’ Mine» Guns N’ Roses. Во время выступления я постарался зафиксировать этот момент. Слева от меня сидела Харпер, в ее глазах были мечты о музыке. Справа сидела моя мама, гордо наблюдающая за тем, как очередное поколение ее семьи обнажает душу перед толпой незнакомцев. Это глубокий опыт, который можно описать СМС-кой, отправленной мамой мне на следующий день: «Теперь ТЫ тоже знаешь, каково нервно сидеть в зале, когда ТВОЙ ребенок в джинсах, футболке и со странной стрижкой первый раз выходит на сцену, исполняя свою мечту». Она права. Это не божественное вмешательство. Это моя плоть и кровь.

С тех пор я много раз выступал на сцене по всему миру перед тысячами людей с обеими дочками. И каждый раз меня наполняет то же чувство гордости, что испытала моя мать тем теплым вечером в One Step Down много лет назад. Видеть, как мои дети отважно решаются на этот шаг и следуют за мечтой, – лучший подарок, о котором только можно мечтать. И я надеюсь, что однажды их

дети испытают ту же радость и эхом отразят заключительные слова, написанные мной для книги моей матери несколько лет назад:

«Но за пределами любой биологической информации есть любовь. Что-то нарушающее законы науки и здравого смысла. И это мне, к счастью, дано. Это, возможно, определяющий фактор в чьей-либо жизни. Несомненно – величайшая муза художника. И нет любви большей, чем любовь матери. Это величайшая песня жизни. Мы все в неоплатном долгу перед женщинами, давшими нам жизнь. Ибо без них не было бы музыки».

Разбитое сердце Сэнди

Ее звали Сэнди.

И она первая разбила мне сердце.

Шел 1982 год. Я был нескладным тринадцатилетним подростком, который переходил в седьмой класс, с нетерпением предвкушая знакомство с новыми друзьями в новой средней школе Холмс. До этого момента моя жизнь была заключена в границы маленького живописного городка Норт-Спрингфилд. Меня окружали те же дети, с которыми мы вместе росли с детского сада в лабиринтах холмов и тупиковых переулков. Норт-Спрингфилд находится всего в 12 милях от Вашингтона и до определенного момента был всего лишь разрозненным сельским поселением, пока его не упорядочили в конце 50-х – начале 60-х годов, разбив на извилистые улочки, усеянные однотипными кирпичными домиками. Американская мечта. Один за другим на малюсеньких участках стояли дома всего трех видов: одноэтажный эконом-вариант, разноэтажные дома типа особняка из старого ситкома «Семейка Брейди» и двухэтажные дома «вечеринка-стайл» (все меньше 1700 квадратных футов[9 - Около 158 кв. м.]). Угадайте, в каком жил я? Правильно, эконом по полной, детка. Три спальни и одна ванная – места только-только хватало, чтобы растить двоих детей на скромную зарплату школьной учительницы. Мы жили небогато, но и нужды не испытывали. В Норт-Спрингфилде жили в основном молодые семьи, на дорогах не было посторонних. Все знали, как тебя зовут, на какой улице ты живешь и в какую церковь ходишь после смачного развода. Соответственно, в каждом районе была своя банда хулиганов, терроризирующая в целом дружелюбные

кварталы (мой не исключение), и я провел детство, лазая по деревьям, жуя табак, прогуливая школу, поджигая петарды, разыскивая раков в реке и рисуя на стенах.

Словно ожившая потускневшая пленка старых кинофильмов, это была настоящая Америка 70-х. Велосипеды с седлом-бананом и пневматические пистолеты. Что-то среднее между фильмами «Останься со мной» Роба Райнера и «На берегу реки» Тима Хантера.

Перспектива перехода в новую школу, где я никого не знал, воспринималась практически как переезд за границу, ведь до этого я всю жизнь ходил в одну и ту же школу за углом дома. Однако я тщательно подготовился к этому шагу. Мы купили пару новых футболок на распродаже, и, вооружившись бутылочкой нового «Олд Спайса», я был готов открыться новому и наконец-то найти свою нишу. И, может быть, даже встретить под люминесцентной лампой мою мещанскую родственную душу в одном из обставленных шкафчиками коридоров новой школы. Я еще ни в кого не влюблялся, но знал, что она ждет меня где-то.

Каждое утро, в грязных кроссовках Nike и вельветовых брюках, в заднем кармане которых лежала большая пластиковая расческа, я загружался в автобус в надежде, что мне не надерут задницу или не выгонят из школы и я доживу до последнего урока. Ученик из меня был просто ужасный. На тот момент я уже был на ранних этапах превращения в панк-рокера, открыв для себя The B-52s и Devo на Saturday Night Live, постепенно проникаясь провокативной радикальной эстетикой их музыки. Как бы сильно я ни хотел вписаться в коллектив, в глубине души знал, что отличаюсь от них. Пройдут годы, прежде чем мне хватит смелости принять свою индивидуальность, но тогда я закрылся в себе и скрывал любовь к альтернативной культуре из страха, что меня засмеют крутые ребята. Возможно, я и подыгрывал, но знал, что студенческий клуб и футбольная команда не для меня. Я был таким немного неприкаянным, мечтая, что кто-то сможет понять и принять меня.

И тут я увидел ее.

Сэнди была самой красивой девушкой из всех, что я видел. Небесно-голубые глаза, светлые волосы со стрижкой каскадом и ослепительная улыбка, которая могла бы зарядить каждую «Теслу» от Брентвуда до Пекина (если бы «Теслы» существовали в 1982-м). Фэрра Фосетт не годилась ей и в подметки. Шерил Тигс нервно курила в сторонке. Бо Дерек? Кристи Бринкли[10 - Все перечисленные – американские актрисы и модели, пик карьеры которых пришелся на 70–80-е годы.]? Куда им до нее. У меня подкашивались коленки, как только наши взгляды встречались в переполненном школьном фойе. То, что я испытывал, можно описать только как любовь с первого взгляда. Меня буквально сбила с ног ее красота. Когда она смотрела на меня, я замирал, как олень в свете автомобильных фар. Кто-то видит ангелов в сгоревших тортильях. Я нашел ангела в блеске для губ и джинсах Jordache.

Я ни разу не слыл Казановой. Мои гигантские лошадиные зубы и узловатые коленки совсем не помогали мне в поисках девушки. Я жутко стеснялся в присутствии дам, поэтому если девушки и испытывали ко мне какие-то чувства, то это было сочувствие или сострадание. Они явно не воспринимали меня как кандидата на лучший засос на школьной дискотеке. Конечно, я играл в бутылочку на вечеринках по всему Норт-Спрингфилду, но был совсем не Джордж Клуни. Скорее, Барни Файф[11 - Барни Файф – вымышленный персонаж американской телепрограммы The Andy Griffith Show, которого исполнил комик Дон Ноттс.] со скейтбордом.

И тем не менее я встретил свою вторую половину и не мог успокоиться, пока не завоюю ее. Каждый день я бежал из школы домой, запирался в комнате и писал Сэнди стихи и песни на гитаре Sears Silvertone, изливая душу в богомерзких мелодиях, предназначенных только для ее ушей. Она стала моей музой, моим маяком, и каждую секунду я мечтал о нашем прекрасном и неизбежном воссоединении. Я был безнадежно влюблен, и мое сердечко не пережило бы очередной день без хотя бы крупицы ответного чувства. Мысленно я каждый день репетировал свое предложение, снова и снова, и после, как казалось, нескончаемого периода ужасно неловких ухаживаний (записки на переменах, звонки после школы… Я был настойчив) каким-то образом мне удалось, использовав все свое обаяние (и «Олд Спайс»), уловить момент и попросить ее стать моей девушкой. К моему удивлению, она согласилась (в дело опять вступило сострадание), и вскоре на переменах мы ходили уже не рядом, а держась за руки (ее ладонь в моей потной ладони). Я был королем. Королем задротов. Я, Дэвид Эрик Грол, официально встречался с самой красивой девушкой в мире… или, по крайней мере, в нашей параллели. Наконец-то я нашел родственную душу, любовь всей жизни, ту, с кем я состарюсь,

окруженный любящими внуками. Я нашел свою вторую половину. А она – свою.

По крайней мере, я так думал.

Честно говоря, не уверен, что эти отношения продлились и неделю. Я не знаю точно, что случилось. С моей точки зрения все было идеально! Мы были молоды, счастливы и свободны! Как Бёрт Рейнольдс и Лони Андерсон, как Дэвид Копперфильд и Клаудия Шиффер, как Зигфрид и Рой[12 - Зигфрид и Рой – немецко-американский дуэт бывших эстрадных артистов Зигфрида Фишбахера и Роя Хорна, ставших известными благодаря представлениям с белыми львами и белыми тиграми.] – как звездная пара небывалого масштаба и с бесконечными возможностями! Перед нами были открыты все двери (ага, разве что школьные…), и впереди нас ждала любовь длиной в жизнь. А затем ни с того ни с сего она выстрелила в упор в мою тощую задницу…

«Знаешь… Я здесь новенькая… и не хочу привязываться».

Меня поразило такое убийственное святотатство. Время остановилось. В голове зияла пустота. К горлу подкатил ком, я не мог дышать. Земля ушла из-под ног. Эти слова, как клинок, покрытый ядом, пронзили мое сердце. Я был сражен, от меня осталась только лужица агонии. Я согласился, с улыбкой пожав плечами, но внутри был фактически мертв. Аннигилирован.

Вернувшись домой в жалком состоянии, я собрал в кучу всю романтическую писанину и ритуально сжег на алтаре (который, понятное дело, соорудил для Сэнди в гараже). Ладно, возможно, я просто выбросил их в гребаную мусорку на улице, но избавился от всей этой щенячьей любовной лирики, пытаясь перерезать эту пуповину и продолжить жить своей скучной подростковой жизнью. Я должен был понимать – она никогда меня не полюбит. В конце концов, я всего лишь какой-то тощий чмошник, который слушает странную музыку и носит рваные джинсы и которого никто никогда не поймет.

В ту ночь мне приснился сон. Я стоял на огромной сцене, купаясь в разноцветных лучах, триумфально играя гитарное соло перед полным залом поклонников. Пальцы скользили по грифу со скоростью и точностью, не доступной ранее ни одному смертному. Восхищенный рев толпы практически заглушал умопомрачительные гитарные риффы, которые я обрушивал на этих засранцев. Я смотрел на беснующуюся толпу и вдруг увидел в первом ряду

Сэнди. Ее руки тянулись ко мне, она рыдала, явно жалея о том, что сегодня днем бросила меня, величайшего супергероя рок-музыки (впрочем, в этом сне нам все еще было по тринадцать). Я резко проснулся. Ощущение тоски и безнадежности исчезло, сменившись вдохновением и чувством безграничных возможностей. Я лежал и смотрел в потолок, как вдруг мне пришло в голову: возможно, все же любовь всей моей жизни – это гитара. Возможно, мне не нужна Сэнди. Возможно, гитара Silvertone может исцелить мое раненое сердце. Возможно, я могу вытащить себя из этого дерьма музыкой. Как никогда ранее, я был полон решимости исполнить свою рок-мечту.

Это, пожалуй, движущая сила, стоящая за каждой написанной мной песней. Не месть Сэнди, конечно, – а защита наиболее уязвимых уголков моей души, подпитываемая душевной болью. Что может послужить большим вдохновением, чем обнаженные нервы разбитого сердца? В некотором смысле я ценю свои многочисленные сердечные раны даже больше, чем любовь, которая им предшествовала, потому что они всегда доказывали мне – я могу чувствовать. Поверьте мне, сладкий укол отвергнутой любви обладает достаточной мощностью, чтобы заставить тебя схватить ручку и бумагу и попытаться найти красоту в тех страданиях, которые принес отказ. И результат чаще всего оказывается хорош. Потому что эти эмоции – настоящие. И это, сука, очень больно.

С годами наши с Сэнди пути разошлись. Разные друзья, разные школы, разные жизненные дороги. Мы потеряли связь и остались друг для друга только детскими воспоминаниями. Однажды, когда нам было около двадцати, я встретил ее в переполненном баре, и мы посмеялись вместе, но не более того. Ушло волшебство. И снова наши пути разошлись. Мы вернулись к своей взрослой жизни и к тем, кем стали. Прошлое остается в прошлом, ну вы понимаете.

Пока однажды во время тура Foo Fighters Wasting Light в 2011 году мне не позвонил наш общий друг и не спросил, не могу ли я внести его в список гостей на наш концерт в Вашингтоне в Verizon Center. Это был наш первый «солд-аут»[13 - Солд-аут (англ. sold out) – сленговый синоним аншлага.] в моем родном городе, и список гостей представлял собой, по сути, встречу выпускников: более сотни старых друзей, которые собирались прийти на концерт, чтобы хорошо провести время и на одну ночь снова пережить наше далекое прошлое. Как будто наконец-то я смогу испытать эмоции от того танца на балу выпускников, на который меня так и не пригласили. Мой друг вежливо спросил, может ли привести еще одного человека, добавив: «Знаешь, кто со мной пойдет? Сэнди!»

Твою мать! Я не мог в это поверить. Прошло почти тридцать лет с тех пор, как я ее встретил и отдал ей свое сердце, чтобы она разбила его на тысячи гребаных кусочков прямо передо мной (пожалуйста, здесь посмейтесь), поэтому я был более чем доволен, что она придет пообщаться со мной и всеми нашими старыми друзьями с района. Вечер обещал стать запоминающимся.

Должен признаться, я переживал. Не за концерт, конечно (это-то ерунда). Я нервничал перед встречей с Сэнди. Мы не виделись так давно, что я не был уверен, что мы даже узнаем друг друга после стольких лет.

Как она выглядит? Какой у нее голос? Что она наденет? Что я надену? Я надеялся, что кто-то вежливо представит нас заново друг другу и мы всю ночь будем плыть по волнам невероятной ностальгии, пока в зале не зажгут верхний свет и нам не придется оставить шампанское и снова разойтись каждый своей дорогой, став опять теми, в кого мы со временем превратились. Задыхаясь от предвкушения, как ребенок, каждые несколько минут я искал ее глазами в закулисных коридорах, чтобы успеть увидеть ее раньше, чем она увидит меня. Но ее нигде не было. Спустя столько лет мои подростковые комплексы снова начали вылезать на поверхность. Что, если она отклонила приглашение? Что, если она не хочет меня видеть? Мое сердце не выдержало бы еще один удар от Сэнди. Знаете, даже самые старые раны могут открыться заново.

И тут я увидел ее.

Я поднял взгляд, когда она вошла в гримерку, и вскочил с кресла. Словно увидел привидение. Дыхание перехватило. Я не мог в это поверить – она, блин, выглядела точно так же (ну, разве что джинсы другого бренда, и без стрижки каскадом). Наши взоры встретились, и мы, оба широко улыбнувшись, бросились друг другу в объятья. Чувства, которые я испытывал, сильно отличались от того трепета, возникающего у шкафчиков в нашем залитом свете школьном холле. Это счастье, которое можно испытать, только когда воссоединяешься с кем-то из прошлого, как некое подтверждение того, что ты реально жил. Мы сели и немного пообщались, поговорив о супругах, детях и семье, смеясь над неприятностями, которые раньше сами себе устраивали, и обсудили, чем сейчас

занимаются все наши старые друзья. Время шло незаметно, но вскоре мне уже пора было готовиться к выступлению, так что я попросил Сэнди остаться после концерта, чтобы пообщаться за кружечкой пива. Я выбежал из комнаты, чтобы написать сет-лист и ждать, когда погаснет свет.

Когда мы вышли на сцену тем вечером, зал ревел так, как ревут только на шоу в родном городе. Это было в сто раз громче, чем на любом другом выступлении в том туре, и меня переполняли эмоции. Я провел здесь детство, лазая по деревьям, жуя табак, прогуливая школу, поджигая петарды, обыскивая ручьи в поисках раков и рисуя на стенах, – так что знал эти улицы, этих людей, и они знали меня. В тот вечер я играл, вкладывая в каждый аккорд частичку себя, с благодарностью за воспоминания, возвращая в зал ту лавину любви, которая захлестывала меня с каждой песней, спетой вместе. В какой-то момент, когда я играл триумфальное гитарное соло, быстро скользя пальцами по грифу, стоя на краю сцены перед ревущей толпой, я посмотрел вниз и увидел Сэнди… в том же самом месте, где она стояла в моем сне, в ночь, когда она разбила мне сердце. Я остановился и понял, что тридцать лет назад, будучи тринадцатилетним подростком, я ясно представлял себе именно этот момент. Я будто это предвидел, а теперь это, черт возьми, стало реальностью!! Каким бы безумием это ни казалось, моя юношеская мечта о рок-н-ролле сбылась. С одной лишь разницей: Сэнди не рыдала, жалея, что бросила меня.

Нет.

Она очаровательно улыбалась, ее небесно-голубые глаза сияли. Она подняла в воздух средний палец, и по ее губам я прочитал эти бессмертные слова.

«Пошел ты на хер, говнюк!»

Все шрамы – внутри

«У тебя что, голова не болит?»

Скрючившись я лежал на холодной земле, надо мной нависали охваченные ужасом лица друзей. Окровавленная клюшка для гольфа с глухим стуком упала

на свежескошенный газон. «Эээ… Болит, наверное…» – ответил я, потирая затылок и еще не понимая, что мои длинные волосы уже в крови от огромной раны, оставленной отцовской питчинг-ведж[14 - Разновидность клюшки для гольфа; используется для высоких ударов на небольшое расстояние.] в моем маленьком девятилетнем черепе.

«Н-н-наверное, тебе надо домой…» – хором пробормотали они.

Слегка ошалевший, я собрал в кулак все свои силы, поднялся с земли и поплелся через дорогу домой, все еще не чувствуя боли. Был солнечный воскресный день, и, как и каждые выходные, нашу идиллическую захолустную тупиковую улицу наводнила молодежь. Здесь всегда кипела жизнь: гудели газонокосилки, слышался перезвон велосипедных звонков и азартные крики играющих в футбол ребят.

Настоящая жизнь американской глубинки, запечатленная в телевизионном шлаке вроде «Семейки Брейди» и «Счастливых дней». В конце концов, Норт-Спрингфилд основали в Вирджинии после Второй мировой именно в этой эстетике. Окруженные разбитыми тротуарами и высокими старыми дубами ряды одинаковых кирпичных домишек, с аккуратно подстриженными газонами, в которых еле-еле умещалась типичная семья поколения бэби-бумеров из четырех человек, выживающая на скромную зарплату чиновника. До столицы – всего несколько минут езды, и каждое утро на автобусной остановке собиралась очередь из лысеющих мужчин с дипломатами в бежевых пальто, читающих The Washington Post, которые уезжали в Пентагон или какое-то другое безликое госучреждение для очередного рабочего дня в офисе. Весь городок жил жизнью типичного офисного клерка. День сурка, вечная бешеная гонка, в которой призом было кое-что больше, чем золотые часы. Стабильность и комфорт – настоящий мещанский рай. Но гиперактивный хулиган вроде меня от скуки начинал искать приключений на свою задницу.

Воскресные утра обычно начинались с мультиков за тарелкой хлопьев, после чего я выглядывал из окна гостиной на улицу, чтобы узнать, что сегодня на повестке дня. Если происходило что-то интересное, я со скоростью пожарного на

задании надевал Toughskins (дешевые джинсы из магазина Sears, от разнообразия цветов которых рябило в глазах) и с воплем: «Мам, пока! Скоро вернусь» – выбегал из дома. Затворником меня назвать было точно нельзя. Я предпочитал бесчисленные приключения, ждавшие на улице. Мы ползали по трубам, прыгали с крыш, из кустов кидались дикими яблоками в проезжающие машины (шутка, которую я никому не рекомендую. Обычно это заканчивалось яростной погоней, в которой я, со скоростью олимпийца перепрыгивая через заборы, пытался убежать от возмездия). С утра до вечера я искал острые ощущения, протирая дырки в кроссовках, левый из которых был перешит, чтобы компенсировать искривление позвоночника.

В то утро я увидел, что мои лучшие друзья, Джонни и Тэй, складывали клюшки для гольфа в багажник отцовской машины. «Гольф? – подумал я. – Мы никогда не играем в гребаный гольф. Это игра для богатых». У нас были палки! И камни! И ручьи с раками! На фига нам смешные шляпы и клетчатые штаны? Я быстро оделся и, подбежав к ним, узнал, что у них семейный выезд на местное поле для гольфа, так что мне придется провести день одному. Разочарованно я помахал им на прощанье, вернулся домой и стал с нетерпением ждать их возвращения, убивая время за ненавистными домашними обязанностями вроде уборки листьев в саду и наведения порядка в своей комнате (что было, в общем, довольно бессмысленно – организованность и любовь к чистоте и порядку тогда не входили в число моих сильных сторон. Сейчас в этом плане все немного лучше. Немного…).

Время тянулось бесконечно. Но вот наконец я увидел на дороге их голубой «Кадиллак». Сразу же бросил все дела и поспешил к ним. Джонни и Тэй были на заднем дворе и лупили клюшками по тренировочному мячу на веревке, закрепленному на земле, будто для мини-версии тетербола[15 - Тетербол – игра в мяч, висящий на веревке, один из концов которой привязан к высокому шесту. Цель игры – закрутить мяч вокруг шеста в сторону соперника.]. Крутяк! Они лупили со всей дури по мячу, как чокнутые лесорубы, земля летела во все стороны с каждым ударом. Я был в восторге. Никогда прежде я не играл в гольф, поэтому послушно ждал своей очереди. Наконец, мне выдали старую ржавую клюшку. «Тяжелая, зараза…» – подумал я и попытался ударить как можно сильнее. Вжух! Мимо. Вжух! Опять мимо.

Куски газона разлетались во все стороны. Наконец я понял, как это работает, и мяч со свистом описал идеальный круг. Я был собой очень доволен. «Моя очередь!» – сказал Тэй и забрал у меня клюшку, подготавливая мяч к очередному удару. «Ну я и жахнул, – думал я. – Надо проверить, устойчива ли стартовая площадка, вдруг я ее снес…» Я наклонился, чтобы поправить подставку, и…

БУМ.

Если вас когда-нибудь сильно били по голове, вы точно помните эхо от удара, которое проносится по вашему черепу. Это похоже на удар баскетбольного мяча или звук, который издает при стуке по кожуре недозрелая дыня (а моя дыня была как раз недозрелой…). Это ощущение забыть невозможно. А затем – оглушающая тишина, обычно сопровождающаяся маленькими звездочками и парочкой порхающих фей. Итак, мне только что прилетело от подростка питчинг-веджем – клюшкой, разработанной для высоких навесных ударов. Однако при ударе по черепу девятилетнего мальчишки результат несколько другой – полный пиздец.

Я и не подозревал, что в моем черепе зияла дыра. Он треснул, как перезрелая тыква на Хэллоуин. Я не чувствовал ни-че-го. Вообще. Совсем. Но, как мне и предложили Джонни и Тэй, я пошел домой, нервно посвистывая и думая: «Твою мать, кажется, у меня большие проблемы», – не отдавая себе отчета в том, насколько серьезна травма. В тот день на мне была моя любимая белая футболка с эмблемой Супермена на груди, и, переходя улицу, я опустил глаза на красно-желтый логотип. К моему удивлению, это больше не была моя любимая футболка с Суперменом. Это было нечто, покрытое свернувшейся кровью, кусками скальпа и волосами. Я в панике ускорил шаг. Я все еще не чувствовал боли, но знал, что за любую каплю крови на ковре гостиной получу по башке (не смог удержаться от каламбура). Мелкими шагами подбираясь к дому, я услышал, что мама пылесосит, поэтому вместо того, чтобы с криками ворваться в дом через входную дверь, я встал на крыльце и осторожно постучал, пытаясь сгладить неизбежную истерику. «Мам? Можешь подойти на секундочку?» – проворковал я самым спокойным голосом, выдававшим мальчишку, который сильно облажался. «Подожди минутку», – ответила она, заканчивая пылесосить и не представляя, что ее ждет. «Ээээ… Это вроде как срочно…» – продолжил ныть я.

Лицо матери, которая, выйдя из-за угла, увидела в дверях своего младшенького, покрытого с ног до головы кровью, навсегда врезалось мне в память. Хотя мне и не было больно, я чувствовал ее боль.

Но, по правде говоря, это не впервые.

Мы всегда смеялись над тем, что врачи в местной больнице знали меня по имени. Когда я входил в приемное отделение с очередной раной, которую нужно зашить, все хором кричали: «Дэвид!», – встречая меня, как Нормана в его любимом баре в ситкоме «Веселая компания». Со временем я привык и сохранял полное спокойствие, пока врач делал очередной укол новокаина и стягивал края раны, чтобы зашить ее тонкой нейлоновой нитью. Это стало ритуалом. Я никогда не брился налысо, но предполагаю, что кожа под моими темными волосами выглядит примерно как схема Лондонского метро: бесконечные пересечения линий, создающие паутину из шрамов. Руки, колени, пальцы, ноги, губы, подбородок – назовите любую часть тела, и, если она все еще при мне, ее точно зашивали, как старую тряпичную куклу. Но не думайте, как бы ужасно это все ни звучало, я всегда видел в этом только положительную сторону: возможность пропустить школу. А ради этого я был готов на все.

Вот вам один пример. Однажды я сломал лодыжку, играя в футбол в парке рядом с озером Аккотинк – живописной территорией примерно в миле от дома. В тот день на поле собрались все шестиклассники, и игра вскоре стала весьма ожесточенной, поскольку большинство из нас всю жизнь играли в футбол за местный спортклуб (забавный факт: в любой игре меня всегда назначали вратарем. Наверное, это связано с какими-то особенностями моего психологического портрета, но это уже совсем другая история). В какой-то момент мы с другим игроком одновременно ударили по мячу, и моя стопа совершенно неестественно вывернулась. Падая на землю, я знал, что это серьезная травма. Поэтому что я сделал? Правильно, прошел пешком всю милю до дома, размышляя о том, как бы повыгоднее «продать» это маме, чтобы пропустить школу. Я не понимал, что реально сломал ногу. На следующий день, к моему удивлению, я проснулся с огромной синей ногой. «УРА! – обрадовался я. – НИКАКОЙ ШКОЛЫ!!»

«Дэвид!» – воскликнули врачи, когда я вошел.

Список длинный. Замороженное пасхальное шоколадное яйцо, которое я решил разрезать самым острым ножом на кухне и чуть не отрезал себе палец. Угол

комнаты моей сестры, в который я врезался даже не один, а два раза за детство и который оставил шрам на лбу. Падения с велосипеда. Автомобильные аварии. В четыре года меня переехал автомобиль (и что же я сказал? «Мамочка, но со мной все в порядке»). Детство состояло из поездок в травмпункт, которые обычно заканчивались новым шрамом, пропуском школы и прекрасной историей.

Оглядываясь назад, я заметил, что мои отношения с последствиями всегда были странными. Я не боялся физических последствий. Только эмоциональных. Я не чувствовал физическую боль ни от одной из травм. Нет. Я всегда возвращался домой. Я всегда держал лицо, чтобы не расстраивать маму больше, чем ее уже расстраивала жизнь. Я всегда старался убедить ее: любая зияющая рана – это «всего лишь царапина», и неважно, сколько швов потребовалось. Можете называть это защитным механизмом, защитным отключением нервной системы – чем угодно, но я думаю, что делал это, потому что понимал, на какие жертвы приходилось идти матери, чтобы вырастить двоих детей счастливыми, несмотря на любую боль. В конце концов, шоу должно продолжаться.

Есть такая пословица: «Ты счастлив настолько, насколько счастлив твой самый несчастный ребенок». Я никогда до конца не понимал ее значение, пока однажды мне не нужно было отвести свою дочь Вайолет на прививку. До этого момента ее плач был только сигналом того, что она проголодалась, или устала, или что ей нужно поменять подгузник. Полгода своей жизни она почти полностью провела у меня на коленях, улыбаясь и хихикая, когда я ее качал, относясь к ней как самому большому чуду на свете (каким она и являлась), а она смотрела на меня большими голубыми глазами, с каждым писком оставляя от меня лишь лужицу умиления. Но в тот день врач попросил взять ее на колени, пока готовится к уколу. Я посадил ее лицом к себе, как мы делали это каждый день в нашей гостиной, улыбаясь друг другу и общаясь лишь взглядами. Но на этот раз все было по-другому. Я знал, что ей будет больно. Я пытался, как мог, заставить ее смеяться, но, как только острая иголка вошла в ее крошечную ручку, выражение ее лица резко изменилось. Теперь оно выражало безграничную боль. Она смотрела на меня широко открытыми глазами, полными слез, как бы спрашивая: «Папочка, почему ты позволил им сделать мне больно?» Я был абсолютно раздавлен. Мое сердце разбилось на миллион осколков. В тот момент я чувствовал не только боль Вайолет, но и боль моей матери.

Когда мы вернулись домой (разумеется, ее слезы высохли еще до того, как мы вышли из кабинета врача), я позвонил маме, чтобы поделиться испытанным потрясением. Я рассказал, что никогда не видел свою дочь плачущей от

настоящей боли и это совершенно разбило мне сердце. Она ответила мудро, но тогда это уже не было для меня неожиданностью:

«Вот если, не дай бог, она когда-нибудь появится на пороге твоего дома, залитая кровью, тогда ты меня по-настоящему поймешь…»

Хорошо, что моей мамы не было на концерте 12 июня 2015 на стадионе «Уллеви» в шведском Гетеборге.

Тот летний скандинавский вечер был прекрасен. Чистое небо, теплый ветерок и пятьдесят тысяч фанов Foo Fighters, бьющих копытом в предвкушении двух с половиной часового сета на 25 треков. На тот момент наша группа переросла клубы и стала собирать стадионы, работая как слаженный механизм, выдававший хиты один за другим. Моя жизнь была воплощением мечты о славе Фредди Меркьюри, и я, выступая на таком уровне, начал чувствовать себя более чем уверенно. Заряд, который ты ощущаешь, когда весь стадион в едином порыве поет твои песни, то единение, которое чувствуешь в тот момент, – что-то за гранью человеческого восприятия. На это подсаживаешься. Свежий воздух, раздувающий волосы в укладку, как у Бейонсе, смесь запахов пота и пива, временами доносящаяся из толпы, как из тумана. Рев фейерверков над головой, когда ты кланяешься и бежишь в гримерку к холодной пицце. Поверьте, это все того стоит. Я не осознавал значимость стадионных концертов, пока не испытал все это, стоя на авансцене. И до сегодняшнего дня я не принимаю это как должное. Это трансцендентный опыт, и его можно описать всего в двух словах: это охренительно.

Как-то перед шоу в гримерку заглянул местный промоутер, пожелал мне удачи и напомнил, что нам нужно быть на высоте, ведь до нас здесь выступал единственный и неповторимый Брюс Спрингстин. Публика была в таком восторге, что «порвала в клочья» стадион. Никакого прессинга! Никогда раньше я и не пытался подняться до уровня самого «Босса», но этот разговор, признаюсь, меня раззадорил. «Я им сегодня задам жару», – подумал я и продолжил предконцертный ритуал, состоящий обычно из трех ибупрофенов, трех бутылок пива и смеха до упада. Надо признаться, я всегда слишком стеснялся делать традиционные вокальные распевки, особенно учитывая, что большая часть моих выступлений – это дикие вопли, а никак не оперные арии. Всегда работала пара шуток и наша версия «групповой молитвы» (никакой религии: мы выпивали по шоту виски, глядя друг другу в глаза).

Солнце было еще высоко, когда мы вышли на сцену. И, как только зазвучали первые аккорды «Everlong» (без сомнения, нашей самой известной песни), толпа заревела. Обычно этой песней мы заканчиваем выступление, но для того концерта, ставшего для нас совершенно незабываемым, она подходила как нельзя лучше. Мы были в ударе. Без всякой паузы перешли к следующему треку – быстрой рок-композиции «Monkey Wrench». Я бегал туда-сюда по сцене, тряс головой и размахивал гитарой во все стороны, играя соло, словно ребенок, изображающий рокера с теннисной ракеткой перед зеркалом. На стадионе сцена не только очень широкая, но и невероятно высокая, чтобы публика могла разглядеть музыкантов с самых дальних рядов. Так что каждый мой забег по сцене был практически стометровкой, где я, не успевая отдышаться перед следующим куплетом, возвращался к микрофону.

В середине песни я в очередной раз рванул в сторону кулис, споткнулся о кабель, растянувшийся по полу, почти на краю сцены. Потеряв баланс, я полетел к краю сцены высотой в 12 футов[16 - Около 3,65 м.]. «Пофиг, – подумал я. – Я просто спрыгну». И, как сотни раз до этого, прыгая с крыш в детстве, собрал силы в кулак и надеялся, что получится. Но это не крыша над аккуратным захолустным газоном. Нет. Это твердый, не прощающий ошибок бетон с твердым пластиковым настилом, призванным защитить футбольное поле под ним. Я ударился о землю со страшным грохотом, но тут же инстинктивно вступил в дело адреналин. «Какой позор

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Лайн-ап (англ. lineup – «список, перечень») – список артистов, заявленных на музыкальный фестиваль. – Здесь и далее прим. редактора, если не указано иное.

2

Джордж Роджер Уотерс – британский рок-музыкант, основатель и фронтмен группы Pink Floyd.

3

Поколение X – термин, применяемый к поколению людей, родившихся примерно с 1965 по 1980 год.

4

Юджин Бертрам Крупа (1909–1973) – американский джазовый музыкант, барабанщик-виртуоз, звезда «свинговой эры». Известен очень энергичным и ярким стилем.

5

Тренировочный пэд (англ. practice pad) – имитатор барабана, на котором барабанщик отрабатывает удары, различные упражнения и техники.

6

Большой барабан, также называемый иногда бас-бочка, турецкий барабан, кик, – ударный музыкальный инструмент низкого регистра, мембранофон с неопределенной высотой звука.

7

Хай-хэт (англ. hi-hat) – тип тарелок со стойкой в ударной установке для большинства стилей поп-музыки.

8

Снейр (англ. snare) – рабочий барабан в установке.

9

Около 158 кв. м.

10

Все перечисленные – американские актрисы и модели, пик карьеры которых пришелся на 70–80-е годы.

11

Барни Файф – вымышленный персонаж американской телепрограммы The Andy Griffith Show, которого исполнил комик Дон Ноттс.

12

Зигфрид и Рой – немецко-американский дуэт бывших эстрадных артистов Зигфрида Фишбахера и Роя Хорна, ставших известными благодаря представлениям с белыми львами и белыми тиграми.

13

Солд-аут (англ. sold out) – сленговый синоним аншлага.

14

Разновидность клюшки для гольфа; используется для высоких ударов на небольшое расстояние.

15

Тетербол – игра в мяч, висящий на веревке, один из концов которой привязан к высокому шесту. Цель игры – закрутить мяч вокруг шеста в сторону соперника.

16

Около 3,65 м.

Купить: https://tellnovel.com/grol_deyv/rasskazchik-vospominaniya-barabanschika-nirvana-i-frontmena-foo-fighters

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити